Феномен фарисейства в религиозной практике современного христианства

Аннотация: В статье рассматривается феномен фарисейства как внутреннего духовного качества, проводится анализ влияния фарисейства на христианскую религиозную практику, одной из важнейших форм которой является религиозная помощь. Фарисейство рассматривается как путь ложной религиозной помощи, не имеющей под собой действительных христианских основ; проводится сравнительный анализ позиций христианской любви и законничества как основ религиозной практики. Статья содержит выводы о влиянии явления фарисейства на социальную практику христианства.

Ключевые слова: фарисейство, законничество, религиозная помощь, религиозная практика христианства.

Abstract: The article discusses the phenomenon of Pharisaism as an internal spiritual characteristic, analyzes the impact of Pharisaism to Christian religious practice, one of the most important forms of which is religious care. The article considers Pharisaim as a path of false religious care, not having a valid Christian foundation; contains a comparative analysis of positions of Christian love and legalism as the foundation of religious practice. The article contains conclusions about the impact of the phenomenon of Pharisaism on the social practice of Christianity.

Keywords: Pharisaism, legalism, religious care, religious practice of Christianity.

Предметом нашего научного исследования является фарисейство как феномен религиозной жизни в современном христианстве. Эта проблема, на наш взгляд, является в настоящее время малоизученной, однако влияние этой проблемы на жизнь современной православной церкви, в том числе и в России, весьма велико, хотя, на наш взгляд, часто недооценивается. И в нашем докладе мы попытаемся это показать.

Явление фарисейства достаточно трудно изучать, возможно, по той причине, что оно является, прежде всего, феноменом внутренней жизни человека, в особенности человека религиозного. Оно внешне практически незаметно, и его часто трудно отличить от действительного благочестия, оно мимикрирует под подлинную духовную жизнь, так что часто и сам человек находится в плену убежденности в собственной глубокой одухотворенности, и чем глубже это убеждение, тем сильнее та пагуба, которую фарисейство производит на человеческую личность. Тем не менее, это разрушительное действие опасно не только для самого человека, который встает на ложный путь религиозной жизни, но и для окружающих его людей, и для церкви как социального организма, так как такой человек часто является активным членом церкви.

Фарисейство в самом широком смысле слова, причем не только в русском языке, принято понимать, прежде всего, в качестве некоего синонима понятий лицемерия и ханжества. В православном религиозном обиходе это понятие имеет более широкое значение. Здесь мы уже сталкиваемся с таким феноменом, как «грех фарисейства» или «болезнь фарисейства», под которым подразумевается целый комплекс грехов и греховных страстей, таких как лицемерие, ложь, гордыня, превозношение, самомнение, тщеславие, осуждение. Однако полной ясности в определении, что же такое все-таки грех, или болезнь фарисейства, нет. Благодаря образу фарисеев, который был прописан в Священном Писании Нового Завета, в писаниях святых отцов Церкви, а также в опыте жизни Церкви, мы почти интуитивно угадываем тот образ жизни (как внутренней, так и внешней), который характерен для человека-фарисея. И этот образ состоит из

множества черт, то есть это целый набор качеств, аспектов личности, свойств внутренней организации, куда, в том числе, входит и лицемерие, которое, как нам представляется, даже не занимает главенствующее место в определении фарисейства. Все эти детали описания феномена фарисейства важны нам для понимания его целостного образа. Таким образом, получается, что дать более или менее четкое, краткое определение феномену фарисейства не представляется возможным, если мы имеем целью охватить этим определением всю целостность данного понятия. Тем не менее, мы можем дать описание фарисейства, рассмотреть различные черты этого феномена, которые составляют целостность его образа, и через это прийти к пониманию данного явления. Далее мы рассмотрим некоторые черты фарисейства, а также его следствия, в том числе приводящие к ложному пути религиозной помощи, которая составляет один из важнейших элементов современной христианской религиозной практики.

Религиозная помощь ближнему подразумевает, прежде всего, те отношения, которые помогающий отстраивает с человеком, нуждающимся в помощи, и эти отношения строятся на религиозной основе, в идеале – на христианской антропологии, то есть на понимании человека как образа Божьего, и в этом смысле как равного себе. Фарисейство же в своей сути искажает это понимание, причем не во внешней своей форме, а подспудно, поэтому определить эту разницу по внешним признаком не удается, а только лишь косвенно – по тем следствиям, которое производит основанное таким образом взаимодействие. Главный из этих признаков – осуждение, явное или неявное, то есть прямое осуждение человека как грешника, а не его греха, или косвенное, проявляющееся в соответствующем отношении к другому как к неравному себе. На основе такого отношения религиозная помощь в подлинном смысле невозможна в принципе, так как сама ее цель в данном случае нивелируется – цель помощи ближнему предполагает, прежде всего, его исцеление от греха, то есть объект в данном случае – душа человека, страдающего от греховной болезни. Цель же, часто подспудная, осуждения человека состоит в том, чтобы благодаря греху другого возвыситься самому, пусть даже лишь в собственных глазах, так что объект здесь – не другой человек, а сам помогающий, который рассматривает собственную душу на фоне души другого, «грешника», и находит в этом повод возвыситься как якобы не имеющий такого духовного недуга. Такое фарисейское расположение души ярко проиллюстрировано в Евангелии от Луки, в притче о мытаре и фарисее. Эту притчу рассматривает в своих поучениях преподобный авва Дорофей. В поучении под названием «О том, чтобы не судить ближнего», преподобный отец говорит о том, что главный грех фарисея в этой притче состоял в том, что он не просто благодарил Бога за свои добродетели, а сравнил при этом себя с мытарем, и тем самым «он осудил самого человека, само расположение души его и, кратко сказать, всю жизнь его» [1, с. 49]. Это осуждение не поступков, а приговор другому человеку как грешнику, это и подчеркивает авва Дорофей. Такой подход позволяет фарисею становиться как бы на позицию Самого Бога, наделенного исключительным правом суда над другими, и такая позиция блокирует христианскую помощь, основанную на позиции равенства всех перед Богом.

Кроме того, позиция осуждения другого как грешника непременно влечет за собой жестокосердие, которое также является весомым препятствием к подлинной помощи ближнему. В одном из эпизодов Евангелия от Иоанна можно проследить связь между склонностью фарисеев к осуждению других и их жестокосердием. Это знаменитый эпизод, повествующий о том, как фарисеи привели к Иисусу женщину, обличенную в прелюбодеянии, и хотели судить ее по Закону Моисея. Но он обратил их суд к самим себе словами «кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 8:3-11). То есть здесь, на наш взгляд, также можно уловить связь между склонностью судить ближнего, пусть даже по закону, и неким родом самообмана, когда при этом оставляются в стороне собственные прегрешения, они как будто «выносятся за скобки». Здесь просматривается изначальное неравенство позиций, которое и приводит к тому, что о помощи нет и речи, а вместо

этого есть законнический суд, оправдывающий себя и безжалостный к другому по своей сути. Святитель Игнатий Брянчанинов по этому поводу писал: «Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего… Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины. Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правильной любви к себе» [2]. Лицемерное фарисейство в данном случае также имеет следствием «двойные стандарты» по отношению к себе и к ближнему, что также является следствием этой неравной позиции, которая, в свою очередь, является следствием отсутствием любви к ближнему, то есть отсутствием подлинно христианского отношения, на котором только и становится возможным религиозная помощь.

Грех, или болезнь, фарисейства, как нам представляется, в принципе блокирует чувство любви человека к ближнему. Хотя здесь также возможна и обратная зависимость – именно отсутствие любви в душе человека, ее бесплодность, и порождает фарисейство как замену этой любви. Механизм здесь, возможно, таков, что пустота в человеческой душе, образующаяся вследствие отсутствия подлинной духовной жизни, отсутствия любви, но при этом желание человека чувствовать себя добродетельным и причастным к духовным благам, начинает заполняться суррогатами этих добродетелей. Не имея духа любви, такие люди начинают строить свою религиозную жизнь на букве закона как на жестких религиозных ориентирах, а законничество, соответственно, лишенное христианского духа, становится на позиции первенства в решении религиозных вопросов. Это, можно сказать, такая форма экзистенциальной тревоги, когда внутренняя пустота, внутренний духовный вакуум не дает человеку покоя, и он должен эту пустоту чем-то прикрыть, и самым условно безопасным здесь становится путь религиозных канонов и правил, исполняя которые, человек мнит себя добродетельным и достойным спасения, чем и снимается внутренняя тревога, а с ней и бдительность относительно собственной души. Однако эти же мерила в виде правил-ориентиров человек возлагает и на других, причем часто даже в более жесткой форме. Такой юридический, можно сказать, подход чужд подлинно христианскому пониманию закона как вспомогательному ориентиру, вторичному по отношению к любви.

Таким образом, законничество, морализаторство, когда религиозная мораль, религиозные законы и каноны становятся превыше всего остального, – это признак фарисейства, при котором любовь к ближнему как лишенная конкретных нравственных правил просто не берется в расчет. Об этом аспекте фарисейства хорошо пишет митрополит Лимассольский Афанасий, один из самых почитаемых архиереев Кипра, о том, что любовь выше логики, она не познается из списка правил, как невозможно для человека познать Бога, даже в точности до мелочей следуя всем церковным правилам и канонам, так как Бог познается в отношениях с Ним, в любви к Нему, а также непременно и в любви к ближнему [3]. Следовательно, такое фарисейское законничество является ложным путем религиозной помощи как не основанное на христианской любви. У него есть одна существенная черта – это подход к любому человеку с единой позиции закона, когда, как говорится, всех ровняют под одну гребенку. Такая фарисейская позиция противоречит подлинно христианской, предполагающей единичность и уникальность каждой человеческой души и каждой человеческой жизни. Внимательно читая жизнеописания святых, особенно XIX века, можно четко увидеть, что они подходили к исцелению каждого отдельного человека индивидуально. У них не было готовых рецептов, не было заранее заготовленных ответов – каждый случай требовал внимательного чуткого отношения к каждой человеческой душе. Фарисейство же, как имеющее свое основание в готовых, данных уже заранее для всех законах, не оставляет места уникальному. Фарисей заранее знает ответ на любой вопрос, так как имеет перед собой законченный свод законов и правил, из которых он черпает свои ответы. Такой путь помощи закрывает перед помогающим двери человеческой души, так как он перестает видеть в ней уникальное, то есть

живое. Помощь в таком случае превращается в изложение правильного лишь с точки зрения закона, то есть в морализаторство – помогающий говорит, но не слушает, а, следовательно, не вступает в диалог, являющийся основой подлинного духовного общения.

Вышеописанный аспект фарисейства имеет под собой еще одно важное дополнение: одной из характеристик морализаторства является «моральная тирания», под которой подразумевается «гипертрофированная форма морального сознания, в которой мораль становится репрессивной инстанцией по отношению к эмпирическому миру» [4]. То есть религиозная мораль у фарисея становится инструментом манипуляции ближними, в том числе такое манипулирование, давление может оказываться и под видом религиозной помощи. В романе французского классика Ф. Мориака «Фарисейка» хорошо прописан образ знатной дамы Бригитты Пиан, которая под благовидным предлогом помощи «заблудшим душам», наставления их «на путь истинный» вмешивается в их судьбы, вынося жесткую моральную оценку и манипулируя их судьбами. В романе показано, как пагубно это вмешательство сказывается на жизни окружающих Бригитту людей, вплоть до необратимых последствий. При этом героиня считает себя абсолютно правой с точки зрения религиозного закона и моральных норм, добавляя каждый раз очередную «петлю к власянице своих добродетелей» [5]. Таким образом построенное религиозное взаимодействие, оторванное от реального положения человека и его жизни, основанное лишь на абстрактных формах религиозной морали, оказывает на ближних обратное действие – оно не приводит ни к исцелению души, ни к облегчению человеческих страданий, а, наоборот, часто усугубляет положение человека, ломая его, уводя его на ложный религиозный путь.

Такое положение вещей очень хорошо иллюстрирует являющаяся в православной церкви насущной проблема младостарчества и лжестарчества. Эти понятия близкие, но не тождественные. Младостарчество можно назвать ступенью к лжестарчеству, суть которого заключается в духовной прелести «старца» и прельщении им своих духовных чад. Лжестарчество напоминает притчу Иисуса Христа о слепых; что если слепой будет водить слепого, оба попадут в яму (Лк. 6:39). Младостарчество же – это, скорее, злоупотребления в духовнической практике, предпринимаемые отдельными священнослужителями, при этом отраженная в самом понятии молодость подразумевает под собой молодость духовную, то есть неопытность в духовной жизни. Под видом духовной помощи, духовничества и духовного руководства такие лжестарцы широко манипулируют своей паствой, выдавая им свои собственные, ложные, не основанные на подлинной духовной традиции церкви идеи за истинные и общецерковные, причем часто применяя методы запугивания и требуя от своих прихожан полного подчинения себе. «Подвергая жесткой цензуре всю жизнь своих прихожан, такой пастырь совершенно не считается с личными особенностями, условиями жизни и возможностями каждого из них, а главное, в соблазне гордыни переоценивает собственные дарования, приписывая себе редчайший дар прозорливости, которым обладали лишь избранные духовные старцы» [6]. Таким образом, как нам представляется, пагубные для православной церкви явления младостарчества и лжестарчества имеют под собой именно фарисейство, по крайнее мере, одним из своих оснований.

Кроме того, фарисейство имеет своим следствием подмену подлинной духовной жизни, смысл которой в христианской любви, определенным видом религиозности. Митрополит Лимассольский Афанасий пишет об этом так: «Однажды, когда я служил в храме и мы возглашали «Господи, спаси благочестивых…», монах со Святой Горы в шутку заметил: «Господи, спаси нас от благочестивых…» Иными словами, избави Бог нас от таких «религиозных», так как словосочетание «религиозный человек» подразумевает искаженную личность, у которой никогда не было личных отношений с Богом. Люди такого типа только выполняют свои обязанности по отношению к Богу, но не стараются вступить в какие-либо отношения с Богом, поэтому Бог ничего и не дает им. Должен признаться – и это я говорю, основываясь на моем собственном опыте, – что я никогда не видел

худших врагов Церкви, чем «религиозные люди»» [3, с. 40]. В данном случае речь идет, конечно, о примате внешней религиозности, не подкрепленной действительным духовным опытом христианской любви. Ситуация еще усугубляется тем, как мы уже отмечали выше, что такие люди как правило не осознают своей ущербности в духовном смысле, а, наоборот, считают себя весьма преуспевающими в духовной жизни. Более того, даже если стараются быть смиренными, то это превращается для них в так называемое ложное смирение, которое можно распознать лишь по косвенным признакам, которые могут проявляться в редких ситуациях, когда такого фарисея вдруг «застают врасплох». В любом случае, такая духовность, подмененная «религиозностью», искусственна, она не имеет под собой действительно благодатной почвы, а оттого бесплодна в духовном смысле, и настоящей помощи принести не может. Так что помощь фарисея можно также узнать «по плодам» - будет ли добрый плод от такой помощи или нет.

Для христианства феномен фарисейства опасен еще и тем, что оно, как мы предполагаем, порождает явление религиозного фундаментализма. Такие характерные черты фарисейства, как религиозный морализм, двойные стандарты, строгое деление людей на грешников и праведников, причем часто лишь по внешним признакам, ритуализация религиозной жизни, религиозный снобизм, а также буквальное понимание религиозных истин (следование букве закона) – все это также является характерными чертами религиозного, в том числе и православного фундаментализма. Кроме того, как нам представляется, фарисейство, пускающее в конкретном человеке свои корни, зачастую толкает его на конкретную социально-религиозную активность: он, считая себя праведником (явно или подспудно), чувствует за собой моральное право учить других религиозной истине, наставлять заблудших «на путь истинный», помогать другим «обрести Бога», а также спасать других «от козней дьявола». Все это становится основой для активной религиозной проповеди, причем самовыдвиженческой. Здесь уже становится недалеко до религиозного фанатизма и экстремизма, что и является социально выраженными особенностями религиозного фундаментализма.

Таким образом, рассмотрев феномен фарисейства в современной христианской религиозной практике, мы можем сделать следующие выводы. Осуждение, являющееся одной из характерных черт фарисейства, является препятствием для подлинной религиозной помощи ближним, так как подрывает основы христианского построения отношений между людьми. Позиция осуждения влечет за собой жестокосердие, двойные стандарты по отношению к себе и другим, а, следовательно, порождает позицию неравенства между собой и осуждаемым грешником. При такой позиции, противоречащей православной антропологии, подлинная религиозная помощь становится невозможной. Далее, такие двойные стандарты связываются с законничеством и морализаторством, когда во главу угла ставится не заповедь любви и милосердия, а каноны, моральные нормы, религиозные законы и правила, которые диктуют застывшие формы правильного и неправильного в религиозной жизни и становятся источниками ответов на любые вопросы в ущерб уникальности человеческой души и человеческой жизни. При таком фарисейском подходе становится невозможным диалог между помогающим и нуждающимся в помощи, следовательно, невозможно и подлинное духовное общение, в котором оказывается религиозная помощь. Кроме того, морализаторство само по себе является одной из форм манипулирования и диктата, то есть не может составить истинный смысл религиозной помощи, так как является покушением на свободу воли человека.

Литература:

1. Избранные поучения преподобного аввы Дорофея для мирян. – М., 2008.
2. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Том 1. Фарисей. - http://pravbeseda.ru/library/index.php?id=806&page=book

3. Митрополит Лимассольский Афанасий. Голод по Богу. – М., 2011.
4. Новая философская энциклопедия. – М., 2003.
5. Мориак Ф. Фарисейка: [роман] / Франсуа Мориак; пер. с фр. Н.М. Жарковой. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Настольная книга священнослужителя. Т. 8. – М., 1988. С.637-638.